

ВСТРЕЧИ С ГЕРОЕМ

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Уже давным-давно привычным стало для наших театров начинать осенью новый театральный сезон. Но вот на этот раз привычное становилось для них особенно значительным, не по-обычному волнующим и важным. Они готовили к открытию сезона спектакли, посвященные XXII съезду партии.

Более двадцати новых спектаклей появилось на московской сцене, и почти половина их рассказывала о делах и людях современной колхозной деревни. Возможность широкого сопоставления различных пьес и спектаклей, посвященных в конечном счете общей теме, позволяет наглядно увидеть, в чем сила и слабость нашей драматургии.

Может показаться случайным совпадением, что старейшие столичные театры — Малый и МХАТ — показали в своих спектаклях во многом схожих, строптивых председателей колхозов: Герасима Маршалова («Весенний гром» Д. Зорина) и Петра Линькова («Хозяин» И. Соболева). Оба председателя — дважды Герои Социалистического Труда, оба не желают помогать своим отстающим соседям, оба отстают от требований времени, у обоих возникают серьезные семейные неурядицы. Такое совпадение никак не оправдаешь и не объяснишь широкой распространенностью изображаемого жизненного явления. Возникновение литературных героев-двойников свидетельствует скорее о живучести старых, привычных схем и о том, как не хватает еще многим авторам широты охвата действительности.

Схема лишает пьесу ее драматургического нерва и не дает живого представления о логике развития характеров. Что можно сказать в защиту авторского замысла, о жизнестойкости конфликта, если в «Весеннем громе» олицетворением совести нашего современника, его нравственного идеала оказывается безликая фигура Василисы — колхозной «родоначальницы», неожиданно появляющейся в самый разгар событий? Положительный идеал оказывает свое эмоциональное воздействие на зрителя, пробуждает лучшие чувства, когда возникает и утверждается в процессе разрешения конфликта.

А как разрешается конфликт в данном случае? Беда героя оказывается в том, что он не заметил ограниченности и ничтожества своего ближайшего сподвижника Фомы Дурова (роль эта яркостатирически исполнена В. Дорониным) и пошел у него на поводу. Таким разрешением жизненного противоречия ставится только под сомнение задуманная автором значительность характера его героя.

Критика склонна почему-то считать, что театр провалил пьесу. Но так ли это? Усилия театрального коллектива были направлены к тому, чтобы поднять ее. Разве не настойчивы были стремления режиссера Б. Бабочкина поставить большой и волнующий спектакль о сегодняшней колхозной жизни. Но и при всем своем таланте и режиссерском опыте он не смог художественно оправдать на сцене то, что художественно не оправдано, не додумано самим автором. Так же искренне было и стремление М. Жарова создать живой, правдивый и глубокий образ Герасима Маршалова. Он многого добился, и все же чувствуется, что исполнение роли не приносит ему радости творчества.

Никто не собирается упрекать драматургов за то, что в своих пьесах они выводят таких героев, как Герасим Маршалов. Но выбор героя еще не решает судьбы произведения. Все дело в том, что следует дальше за этим выбором. А дальше, вот в чем беда, следует уже знакомая во многом схема. Авторы видят драматический конфликт в нарушении героем житейских, нравственных норм, сложившихся в нашем обществе, в несоответствии его дел и поведения призванию передового человека. Но для генерального направления художественного творчества более характерным является другой конфликт: когда герой вступает в решительную борьбу с преградами, возникающими на его пути. Движение к цели, а не отступление от нее определяет природу жизнедеятельного характера героя наших дней. Именно с этим героем наше искусство и становится источником радости и вдохновения для зрителя.

Создание большого современного искусства связано с решительным повышением требовательности. Безудержно хвалебные рецензии писать, конечно, легче и приятнее. Так, Е. Северин свою рецензию на «Весенний гром» в газете «Литература и жизнь» превратил прямо-таки в панегирик. После таких выступлений можно подумать, что все идейно-художественные задачи, стоящие перед нашей драматургией, блестяще решены.

В действительности же дело обстоит совсем не так, и хвалебные оды ничего, кроме самодовольства, породить не могут. Еще многие высоты предстоит брать театрам и драматургам, немало еще придется им потрудиться над художественным освоением и раскрытием природы современного конфликта. В спектакле Художественного театра «Хозяин», поставленном Б. Ливановым, П. Марковым, В. Марковым, найденные живые и выразительные приметы времени; колоритные жанровые эпизоды, предложенные драматургом, получили в нем такое

же сочное, колоритное сценическое воплощение (А. Зуева в роли бабки Маланьи, М. Прудкин в роли Анатолия Круглаковского). Уже по тому, как начинается действие пьесы, а начинается оно в старенькой хате-развалюхе, сохраненной как «экспонат» убогой жизни горемыки-единоличника, видно, что театр не ошибся в выборе драматурга, только еще входящего в драматургию. У И. Соболева еще недостаточно литературного опыта, не во всем проявляется должный художественный вкус (речь идет прежде всего о языке), но он несомненно обладает чувством сцены, смотрит на жизнь глазами художника. И все же в главном — в изображении конфликта — не обнаруживается глубины художественного постижения действительности. То, что произошло между председателем колхоза и его приемным сыном («батьа» ударил сына по лицу), могло быть и в жизни. Но когда их воинственная непримиримость, возникшая после этого рукоприкладства, становится чуть ли не сюжетным стержнем всей пьесы, то в сценическом действии появляется некоторая доля искусственности. Эта искусственность драматизма положения ставит, думается, в затруднительное положение и актера. Не потому ли и кажется таким натруженным исполнением Б. Ливановым роли «хозяина» — Петра Линькова. Актер этот сильный, талантливый, способный осуществлять большие художественные задачи. И он создает полнокровный образ человека сильного, волевого, знающего себе цену, но характер его все же несколько отяжелен излишним драматизмом.

Правда жизни, сконцентрированная в драматическом конфликте, по-настоящему взволнует сердце зрителя, даст пищу его уму, когда театр и драматург от спектакля к спектаклю будут все требовательнее и требовательнее друг к другу, будут по самому большому счету выверять свое творчество мерой жизни, мерой наших идеалов.

Подлинная современность — весьма важный, но не единственный критерий оценки произведения. Чем, например, не удовлетворяет «Честность» А. Софронова, поставленная Малым театром? Прежде всего тем, что в этой пьесе автор выступает в качестве драматурга-иллюстратора, сообщающего о том, что уже известно зрителю. А зритель ждет встречи с драматургом, который рассказывает ему о жизни новое, обогащает его представления о том, чем живет сегодня страна. Пьеса в сущности ограничивается воспроизведением факта, большая морально-этическая тема не получает в ней художественного развития.

Замысел драматурга понятен и заслуживает поддержки. Только слишком поспешное осуществление этого замысла оказалось не на пользу пьесе. Кто из героев «Честности» может занять место в галерее лучших положительных образов, созданных нашей драматургией? Прасковья Колесова?.. Татьяна Дрозд?.. Павел Рагоза?.. Анфиса Карасева?.. Или, быть может, Павел Трешников?.. Люди они честные, хорошие, но им еще далеко до того, чтобы стать обобщенными художественными образами героев наших дней. Героями драмы (даже если над их созданием трудятся такие замечательные мастера, как В. Пашенная). Но драма ли «Честность»?.. Может быть, в другом жанровом ключе она прозвучала бы совсем по-другому? И тогда, вероятно, ярче проявилось бы режиссерское дарование постановщика спектакля И. Ильинского.

Раз уж начат здесь разговор о положительном герое, надо сказать об одной примечательной встрече на спектакле «Антен» в Театре имени Моссовета. Секретарь колхозной партийной организации Яков Далекий — вот наш новый знакомый. Это совсем не идеальный герой, не все у него получается так, как надо, и драматург Никола Зарудный не скрывает те или иные его слабости. И все же он воспринимается как натура цельная, ясная, покоряющая своей влюбленностью и в нашу сегодняшнюю жизнь, и в наш завтрашний день. Он — поэт и романтик, человек, умеющий любить людей, и не поэтому ли нашел он свое призвание в партийной работе, которая становится для него искусством человековедения?

В этом жизненном образе верно выражено мироощущение советского человека. Якова Далекого касается все — и дела родного колхоза, и дела всей страны, и дела на Кубе, он думает и о Спартакке, и о жизни в далеких звездных мирах. И еще есть одна замечательная черта в его характере. Он, молодой советский человек 60-х годов, оказывается кровным братом молодого человека наших и 20-х, и 30-х, и 40-х годов. Вот такие же славные юноши были друзьями и сверстниками Павла Корчагина и Олега Кошевого, строителей Магнитки и первых покорителей целины. И приходится только сожалеть, что иных наших литераторов, пишущих о сегодняшней молодежи, не очень-то зажигает эта присущая ей светлая романтическая увлеченность пафосом созидания новой жизни.

Но вернемся к этому спектаклю. Наберется, вероятно, немало критических замечаний, которые можно направить и в адрес драматурга, и в адрес театра. И все же хочется поддержать главное — активное положительное начало и в пьесе, и в спектакле. Наше искусство — это доброе искусство, вот какое ощущение рождается на спектакле, поставленном Ю. Завадским. Оно по-доброму, с любовью и восхищением относится к человеку — строителю нового мира. И в этом заключена его жизнеутверждающая сила. Когда впервые появляется на сцене Яков Далекий, зрительный зал расцветает доброй улыбкой. Так встречает он полюбившегося ему артиста Б. Новикова. И почти сразу же обаяние артиста как бы переключается на Якова Далекого, становится обаянием человека, которого тоже нельзя не полюбить. Вместе с ним заслуживают быть отмеченными столь разные по творческому почерку артисты С. Бирман и Г. Некрасов, П. Герага и Г. Слабиняк, Н. Климович и А. Дубов.

Были у нас сезоны, когда зритель тосковал по веселой, жизнерадостной, умной комедии. На этот раз ему повезло. В репертуаре столичных театров появилось несколько комедийных спектаклей, заслуживающих внимания зрителей. Вот, например, «Стряпуха замужем» А. Софронова. С искрометным театральным блеском поставлена она Р. Симоновым на сцене Театра имени Вахтангова. Этой комедии повезло на вахтанговской сцене в том, что она удивительно верно прочтена режиссером. Им угадано и найдено заразительно веселое сценическое воспроизведение природы ее комедийности. Поэтому и вышел спектакль таким праздничным, помогающим к тому же самому драматургу лучше почувствовать, в чем истинная стихия его творчества. Режиссеру, в свою очередь, тоже повезло. Он нашел в актерах замечательных и увлеченных союзников для воплощения своего замысла. И зритель отдает должное яркому дарованию и обаянию мастерства Ю. Борисовой, исполнительницы роли замужней стряпухи Павлины Казанец, талантливой Л. Пашковой и Н. Плотникова, Н. Гриценко и М. Ульянова, дебютантки Л. Максаковой и Ю. Яковлева.

Среди новых комедийных спектаклей выделяется и «Яблоко раздора» М. Бирюкова в Московском театре сатиры. Сатирическому театру по роду его службы положено заниматься преимущественно не очень-то симпатичными людьми. Но на этот раз на самый первый план он выдвинул настоящего героя. И герой этот — полковник в отставке Илларион Коваль. Знакомство с ним артист Б. Тенин делает весьма приятным и памятным. Он вроде и не у дел, приехал в колхоз погостить, отдохнуть, друзей навестить, посматривает на все вроде чуть снисходительно, с доброй ухмылкой, но вскоре оказывается в самом пекле житейских событий. И уже кажется всем, что без него здесь не обойтись, и все складывается к тому, что быть ему в колхозе парторгом. Сила Ковалья в естественной, органичной положительности его подлинно советского характера. Поэтому он и становится душой спектакля. И тут уже талантливому артисту приходится делить свой успех с режиссером В. Плучеком, интересным поставившим эту интересную пьесу украинского драматурга. Зритель встречается в ней с как будто уже знакомым по другим пьесам коллизией — ведь появлялись на сцене такие колхозные председатели-ловчицы, как Илья Руденко, собирающийся строить коммунизм, так сказать, в «местном масштабе», только для своего колхоза, — но у автора свой взгляд на жизнь, свой прицел на предмет комедийного обличения, и это придает свежести и живую непосредственность его «Яблоку раздора». В этом остроумном, задорном спектакле представлены живые, интересные характеры, с которыми хорошо знакомят зрителя Е. Весник, Б. Тронова, О. Аросева, А. Паланов, В. Лепко и другие артисты.

В нынешнем сезоне особенно широко представлена украинская драматургия. Зрители получили возможность познакомиться и с новыми именами и встретиться с давно знакомым им А. Корнейчуком. Новая его комедия «Над Днепром», поставленная в Художественном театре М. Кедровым (режиссеры С. Блинников, И. Раевский), своим сатирическим острием метко направлена против таких людей, как высокопоставленный оборочкратившийся чинуша Гавриил Нечай, как чрезмерно зазнавшийся и спекулирующий председатель колхоза Македон Сом. И театр расправился с ними безжалостно, высмеял их талантливо, показал во всей неприглядности их духовное убожество. Это относится прежде всего к В. Белокурову — создателю щедрого по краскам, острого сатирического образа Гавриила Нечая, застенчившего в своем бездушном чиновничестве. Это относится также к С. Блинникову, с таким запалом высмеявшему своего Македона Сому и показавшему всю неизбежность его жизненного крушения; и к В. Петкеру, так верно угадавшему холуйскую, самозабвенную в своей услужливости, ограниченную натуру Каллиопа Кваку. Этот обличительный пафос в полную силу звучит в спектакле и в пьесе.

Положительных людей представляют на сцене замечательные мхатовские мастера О. Андровская (Наталья Голубь) и В. Топорнов (Антон Мак). Запевалой их предназначено быть Родиону Нечая. У артиста Л. Золотухина найден внешне очень убедительный, жизненно достоверный образ этого передового председателя колхоза. Но то, что составляет главную силу Родиона Нечая, — богатство его духовного содержания, красота его души — выявлено куда слабее. Это заслуживает, разумеется, критики, но не такой, с какой обрушились недавно на пьесу Т. Склярда и В. Денисенко в «Советской культуре». Перечеркнув все творчество А. Корнейчука последних лет, они собираются автору «сказать от имени тысяч зрителей правду-матущку в глаза (театральные критики боятся это сделать): пишите лучше, правдивее! Сколько можно водить своих влюбленных героев парами вокруг стога сена?». Не сказать ни слова по существу содержания произведения и называть это смелой правдой-матущкой!..

* * *

Отрадно видеть, с каким творческим подъемом наши театры работают над сценическим воплощением современной пьесы. Не всегда желанная удача завершает их труд. А это значит, что еще взыскательнее следует относиться и к своему творчеству, и к творчеству драматурга, чтобы каждая встреча в театре с героем наших дней приносила зрителю радость, была бы большим и памятным событием в их духовной жизни.

Н. АБАЛКИН.

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «НАД ДНЕПРОМ» в постановке МХАТ. Гурий Струна — артист И. Терешин (слева), Родион Нечай — артист Л. Золотухин.

Фото И. Александрова.